АВТОБІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА
Архіепископа *Анатолія Мартыновскаго* (†1872.)

въ бытность его студентомъ Кіевской Духовной Академіи.

Если тотъ праведникъ, который, во всѣхъ искушеніяхъ, постигшихъ его по допущенію Верховнаго Промысла, *ничтоже согрѣши устнами своими*, (Іов. 1, 22.) если онъ назвалъ жизнь человѣка на землѣ *войною*, а дни его—*якоже дніе наемника повседневнаго*, (Іов. VII, 1.)—то насколько болѣе я, призванный къ участію въ этомъ несчастномъ наслѣдствѣ, могу по всей справедливости сказать о себѣ также, какъ говорилъ другой высочайшей добродѣтели патріархъ: *дніе пришельствія моего на земли были малы* и *горьки*. Быт. XXVII, 9. Вотъ эти именно слова какъ разъ идутъ мнѣ вмѣсто приступа, когда я хочу изображать мою измѣнчивую и неславную жизнь.

Годъ, въ который я узрѣлъ первый свѣтъ солнца, забытъ мною; тѣмъ болѣе неизвѣстны мнѣ мѣсяцъ и день моего рожденія,—что другіе такъ старательно помнятъ; думаю однако, что мнѣ теперь отъ роду 32 года.—Имя мое въ мірской жизни было *Августинъ*. Но поелику я отрекся отъ него, то лучше будетъ разсказывать о дѣлахъ, совершенныхъ подъ этимъ названіемъ такъ, какъ бы рѣчь шла о *другомъ лицѣ*.—И такъ отрочество сего Августина—та пора, которую иные обыкновенно называютъ *золотымъ возрастомъ*, пронеслось на подобіе скоропреходящаго сна, коего событія имѣютъ такое маловажное и ничтожное значеніе, что отъ нихъ даже и слѣда какого либо недолжно оставаться въ памяти.. [1]) Пер-

1). Въ первоначальной редакціи было сказано: на подобіе пріятнаго сна, игривыхъ событій котораго память не можетъ однако собрать въ одно цѣлое.

вые начатки чтенія и письма на отечественномъ языкѣ, а также основанія латыни, йолучилъ онъ отъ своего отца. Будучи такимъ образомъ нѣсколько подготовленъ, онъ на восьмомъ или на девятомъ году своего возраста отданъ былъ въ школы, находившіяся тогда въ мѣстечкѣ *Шаргородѣ*, Подольской губерніи, Ямпольскаго уѣзда, и здѣсь усердно занимался изученіемъ правилъ Грамматики и Поэзіи россійскаго, а равно и латинскаго языковъ. Наконецъ, перешедши въ Каменецъ, онъ до самаго 1812 года [2]) сообразно съ тогдашнею нормою ученія, — основательно изучалъ науку риторики, философіи и Богословія, при чемъ мимоходомъ познакомился съ искусствомъ рисованія, съ началами математики, а также съ правилами языковъ греческаго и нѣмецкаго. Къ концу означеннаго года [3]) онъ, по соизволенію, покойнаго Архіепископа Подольскаго *Іоанникія*, весьма много ему покровительствовавшаго, былъ опредѣленъ сначала учителемъ рисованія, а потомъ, по окончаніи уже года, съ утвержденія того же Архіепископа, учителемъ класса *инфимы*, какъ тогда называли; изъ года въ годъ переходя въ должности учителя въ высшій классъ, онъ такимъ образомъ дошелъ до класса *Синтаксимы*. Неся на себѣ эти обязанности и преданный имъ, если только можно говорить въ добрую сторону о своемъ ближайшемъ родственникѣ (ибо это былъ мой братъ),—преданный имъ всей душей,—онъ допустилъ нѣкоторое уклоненіе отъ нихъ только для улучшенія своего неискуснаго и недостаточнаго зна-

2). Въ перв. редакціи прибавлено: *«вѣчнаго въ исторіи отечества и вѣка нашего»*.

3). Въ первоначальной редакціи прибавлено: «когда я еще слушалъ уроки Богословія».

нія тѣхъ языковъ, которые не были тогда въ употребленіи и подъ рукою [4]); впрочемъ онъ всегда горѣлъ страстью къ ученію и особенно къ усовершенствованію себя благородными искусствами, которыя были ему по душѣ.

Когда онъ проводилъ такимъ образомъ жизнь, родители между тѣмъ начали настаивать, чтобы онъ, идя по слѣдамъ предковъ, вступилъ въ священническое званіе: но обычаю молодыхъ людей представляя съ помощью воображенія во всемъ счастливую будущность и чистыя мечты принимая за склонность природы, онъ думалъ, что настало время, когда пора ему освободиться отъ учительскаго труда; невѣдалъ несчастный, что ему совсѣмъ не соотвѣтствуетъ состояніе, которое могло сломить и силы, и спокойствіе его духа необычайною скорбію, тѣмъ болѣе, что и вышеупомянутый, всякой памяти достойный, Архипастырь, какъ бы въ пророческомъ духѣ, часто побуждалъ его къ избранію жизни монашеской, —которая, какъ научили его опасности, была предназначена ему Самымъ Промысломъ... Но поелику голосъ чувствъ, особенно подкрѣпляемый самою силою молодости, имѣетъ большее вліяніе, чѣмъ всякій спасительный совѣтъ, то разпрощавшись съ школою и науками, онъ женился и, принявъ санъ священства, началъ вести жизнь сельскую, неся обязанности то служителя Евангелія, то семьянина. Вскорѣ,—ибо еще непрошелъ даже второй годъ послѣ вступленія его въ супружескій союзъ, — жена его разпрощалась съ свѣтомъ: рожденіе сына было поводомъ ея смерти... Увы! какъ часто этотъ плотской, но несчастный, человѣкъ взывалъ вмѣстѣ съ Іонафаномъ:

---

4). Тамъ же прибавлено: т. е. греческаго и нѣмецкаго.

вкушая вкусихъ мало меду и *се азъ умираю*! 1 царств. XIV, 43. Сильно преслѣдуемый угрызеніемъ совѣсти, онъ обвинялъ свое упрямство за то, что отринулъ спасительные совѣты Архипастыря — благодѣтеля. Итакъ въ тотъ самый моментъ онъ думалъ удалиться въ какой нибудь монастырь; но голосъ природы, именно несчастнѣйшее состояніе сиротки, удержалъ его почти два года, чтобы имѣть попеченіе о младенцѣ, страдавшемъ слабымъ здоровьемъ... Наконецъ —убѣдившись въ лучшемъ состояніи здоровья мальчика, а также въ надеждѣ, что сестра его, коей онъ —Августинъ отдалъ все, что имѣлъ, а также и своего малютку,—памятуя оказанныя ей благодѣянія, неперестанетъ прилагать попеченіе о воспитаніи младенца,—онъ перешелъ въ Каменецъ и снова занявши здѣсь должность учителя, посвятилъ себя исполненію оной.

Такова была жизнь этого плотскаго и несчастнаго человѣка. Теперь перехожу къ тому періоду времени, когда этотъ Августинъ отрекся отъ прежней своей жизни и прежняго имени и назвалъ себя именемъ *Анатолія*, что случилось въ послѣдніе дни мѣсяца апрѣля прошлаго года (5.) Онъ — это я самъ, а потому можно теперь говорить о себѣ прямо. Прежде однако скажу объ участи упомянутаго младенца. Онъ былъ оставленъ на попеченіе сестры Августина: такъ вѣрилъ Августинъ, да и она сама клялась, что будетъ беречь младенца, какъ зѣницу ока. Но [6].) вышедши замужъ за нѣкоего, занявшаго священническое мѣсто Августина, она, забывши всякій долгъ, какъ это я недавно узналъ, отринула малютку, съ безчеловѣчною жестокостію оставила его въ прене-

(5.) т. е. *1822* года.

6). Въ первоначальной редакціи здѣсь замѣчено: «но лживы суть сыны и дщери Адама»

бреженіи и такимъ образомъ, свободная конечно отъ клятвы, которой *Анатолію* недавала, [7])—она ускорила смерть младенца, послѣдовавшую въ началѣ этого года, втораго какъ я живу монахомъ... Отринутый такимъ образомъ міромъ съ помощію самаго даже міра, освобожденный отъ всѣхъ узъ, которыя еще привязывали меня къ нему, убѣдившись на собственномъ опытѣ, что все на землѣ—суета, я, забывая все, что позади, искреннѣйше, на сколько во мнѣ есть силы, рѣшился—посвятить себя Христу, предать себя Его волѣ и съ благоговѣйнѣйшимъ цѣлованіемъ и любовію моего духа принять на себя *иго Его благое съ бременемъ легкимъ.* Въ этой мысли—поелику тѣ должности, которыя я до тѣхъ поръ проходилъ, представлялись мнѣ, хотяя и безпрестанно занятъ былъ ими, *путемъ пространнымъ и дверью широкою*, то, желая имѣть ихъ болѣе *тѣсными* и кромѣ того горя страстію напоить себя свѣтомъ вѣры, какъ единственною надеждою спасенія,—я рѣшился поступить въ академію и съ тою цѣлію послалъ ея знаменитѣйшему начальству мое, изложенное на бумагѣ, прошеніе. Когда же недавно желанія души моей исполнились и, оставивши Каменецъ, я положилъ конецъ моей прежней жизни, то ничего теперь мнѣ неостается, какъ умолять Верховный Промыслъ, да обновитъ силы духа моего къ воспринятію наукъ, которыя, я несомнѣваюсь, будутъ непогрѣшительнымъ путемъ къ вѣчному спасенію.—О влеки меня за собою Спаситель и удостой обрѣсти милость въ глазахъ достопочтеннѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ Начальства моего.—Съ Латинскаго — *Л. М.*

---

7). Клятва была дана ею *Августину*, а не *Анатолію*. Иронія.